

Густаво Адольфо Беккер

Золотой браслет

Толедская легенда

Перевод с испанского А. Акопяна.

Публикуется с разрешения переводчика.

I

Она была прекрасна, прекрасна той красотой, которая внезапно затмевает рассудок; красотой, которая ничуть не схожа с воображаемой нами ангельской и которая, однако, сверхъестественна; красотой дьявольской, которой он иной раз наделяет некоторых, делая их своим орудием на земле.

Он ее любил, любил той любовью, которая не знает ни границ, ни препятствий; любовью, в которой ищут радость, а находят лишь муки страдания; любовью, что подобна счастью и, однако, кажется, наполняет небеса во искупление грехов.

Она была своенравной, своенравной и сумасбродной, как все женщины в мире.

Он - суеверным, суеверным и отважным, как все мужчины его времени.

Ее звали Марией Антунес. Его - Педро Альфонсо де Орельяна. Оба были из Толедо и жили в том же городе, что был свидетелем их рождения.

В предании, которое повествует эту удивительную историю, произошедшую много лет назад, не говорится ничего более о ее персонажах.

Я как правдивый летописец не добавлю от себя ни единого слова, чтобы описать их подробнее.

II

Однажды он увидел ее плачущей и спросил:

-- Почему ты плачешь?

Она вытерла глаза, пристально посмотрела на него, вздохнула и снова заплакала.

Педро подошел к Марии и, оперевшись логтем на арабского стиля перила, откуда красавица наблюдала, как проносится речной поток, взял ее за руку и снова спросил:

-- Почему ты плачешь?

Река Тахо со стенами вилась у их ног среди скал, на которых расположен имперский город. Солнце заходило за соседними горами, и лишь монотонный шум воды нарушал громогласную тишину.

Мария сказала:

-- Не спрашивай меня, почему я плачу, не спрашивай: ни я не знаю, что тебе ответить, ни ты меня не поймешь. Есть желания, которые скрываются в женской душе, и лишь один вздох может их выдать; безумные идеи, блуждающие в нашем воображении, которые не осмеливаются произнести наши губы; непостижимые феномены нашей загадочной природы, которые мужчины не могут даже постичь. Умоляю тебя, не спрашивай, что печалит меня; если я тебе скажу, возможно, ты просто рассмеешься.

Сказав эти слова, она снова склонила голову, а он стал повторять свой вопрос.

Нарушив свое упорное безмолвие, красавица сказала своему любимому глухим и дрожащим голосом:

-- Ты сам этого хочешь; это сумасшествие, которое тебя рассмешит, но не важно, я скажу тебе, раз ты того желаешь.

Вчера я была в церкви. Был праздник Пресвятой Девы; ее образ, установленный на главном престоле на золотой скамейке, светился, как раскаленные угли; по всей церкви с дрожью распространялись, как эхо, звуки органа, а хор священников пел *Salve, Regina*.

Я молилась, молилась, погруженная в религиозные мысли, когда машинально подняла голову и